

Юркова Жанна Халыфовна
преподаватель русского языка и литературы
ФГКОУ «Санкт-Петербургский кадетский военный корпус
имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации»

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР В ДИПЛОМАТИИ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ОТ ТЕКСТА К ИСТОРИЧЕСКОМУ КОНТЕКСТУ

Аннотация. В статье представлен анализ субъективного фактора в дипломатии. Обоснована продуктивность историко-литературного подхода к изучению роли личности во внешней политике. На примерах А. Невского и Ф. Ушакова показан алгоритм работы с разнородными источниками. Предложенный подход применим в образовательном процессе.

Ключевые слова: Субъективный фактор; дипломатия; репрезентация; верификация; историко-литературный анализ; агентность.

Введение

Роль личности в международных отношениях традиционно остаётся предметом дискуссий: от признания «великих людей» двигателями истории до сведения их влияния к минимуму под давлением объективных структур – баланса сил, ресурсной базы, бюрократических регламентов и норм международного права. В дипломатии эта проблема особенно актуальна: переговоры, формулирование позиций и принятие решений происходят в непосредственном взаимодействии конкретных акторов, чьи личные качества, мировоззрение и стиль коммуникации способны существенно влиять на исход внешнеполитических процессов.

Цель настоящей статьи – предложить теоретико-методологическую рамку, позволяющую системно анализировать субъективный фактор в дипломатии через сопоставление текстов (в том числе художественных и публицистических) с историческим контекстом и документальными источниками. Такой подход продуктивен для исследовательской работы, где важно формировать у учащихся навыки критического анализа источников и различения факта, оценки и интерпретации.

Субъективный фактор и агентность: содержание понятия

Под субъективным фактором в дипломатии понимается совокупность индивидуальных характеристик актора, влияющих на внешнеполитический процесс: личностных качеств, ценностных установок, когнитивных особенностей и стиля коммуникации. В современной гуманитарной науке это понятие коррелирует с концепцией агентности (agency) – способностью субъекта действовать и оказывать влияние в рамках существующих структурных ограничений.

В международных отношениях агентность всегда рассматривается в связке «структура – агент». Структурные факторы задают пространство выбора: ресурсы государства, баланс сил, нормы международного права, бюрократические процедуры, скорость передачи информации и даже географические условия. Субъективный фактор проявляется в том, как актор использует это пространство: принимает нестандартные решения, предлагает новые трактовки национальных интересов, выстраивает доверительные отношения с контрагентами. Задача исследователя – не просто перечислить черты личности, а определить, в каких пределах и при каких условиях эти черты могли оказывать реальное влияние.

При этом важно опираться на теоретическую модель, в которой структура и агент не противопоставляются, а взаимно конституируют друг друга [2]. Такой взгляд позволяет избежать крайностей: и «культы личности», и полного отрицания роли индивидуальных решений. В теории международных отношений эта проблематика последовательно раскрывается через различные подходы к соотношению структуры и агента, что даёт инструментарий для анализа реальных дипломатических кейсов [6].

Репрезентация и верификация: разграничение уровней анализа

Для корректного изучения субъективного фактора важно различать два аналитических уровня: репрезентацию и верификацию.

Репрезентация – это способы конструирования образа личности и её действий в текстах разных жанров и эпох. В зависимости от задач автора и ожиданий аудитории репрезентация принимает разные формы:

- ☐ идеализация и героизация (например, князь как защитник веры и земли в житийной традиции);
- ☐ политическая легитимация (образ дипломата как воплощение государственной воли в публицистике);
- ☐ конфликт личного и государственного (внутренние сомнения и этические дилеммы в художественной литературе);
- ☐ умолчания и смещения акцентов (вытеснение спорных или неудобных решений из публичного нарратива).

Репрезентация не является «искажением» по умолчанию: она отражает функции текста в конкретной культуре и эпохе – канонизировать, воспитывать, полемизировать, развлекать. Для исследователя важно зафиксировать, какие черты подчёркиваются, как они мотивируются и для кого создаётся образ.

Верификация – это процедура проверки и сопоставления репрезентаций с документальными данными. К верифицируемым источникам относятся официальные документы (договоры, ноты, инструкции, отчёты), деловая переписка, протоколы переговоров, хроники и летописи, а также мемуары и частная переписка (с учётом их субъективности и ретроспективной природы).

Верификация не сводится к поиску «правды» в одном источнике: она предполагает сравнительный анализ нескольких свидетельств, выявление расхождений и объяснение их причин (разные интересы, статусы, цели авторов). Например, совпадение оценок в донесениях разных участников повышает надёжность вывода, а расхождения могут сами по себе быть информативными – они показывают конфликт интерпретаций в реальном времени.

Методологически полезно рассматривать уровни анализа как «лестницу», где на каждом этапе исследователь переходит от текста к более строгим документальным данным и контексту [5]. Такой подход позволяет последовательно снимать слои интерпретации и выявлять, где заканчивается конструирование образа и начинаются проверяемые факты.

Междисциплинарная методологическая рамка

Комплексный анализ субъективного фактора требует сочетания нескольких подходов:

- ☐ Историко-литературный анализ позволяет сопоставить, как одна и та же историческая личность представлена в разных жанрах и эпохах (житие, роман, научная биография), и выявить динамику общественных ожиданий от «идеального дипломата».
- ☐ Элементы источниковедения дают инструменты для критики источников: определение авторства, адресата, цели создания документа, датировки, степени сохранности. Это помогает понять, насколько репрезентация отражает реальные мотивы или является продуктом жанра.
- ☐ Сравнительный анализ применяется на нескольких уровнях: сравнение разных источников об одном событии; сопоставление моделей поведения разных деятелей в схожих условиях; анализ эволюции образа в разные исторические периоды.
- ☐ Анализ официальных правил и сложившихся практик помогает увидеть, как нормы, регламенты и бюрократические практики ограничивают или усиливают влияние личности. Например, дипломатический протокол и порядок согласования решений показывают, где заканчивается личная инициатива и начинается исполнение инструкций.
- ☐ Пространственно-временной анализ (учёт логистики, скорости передачи информации, расстояний) позволяет оценить реальные сроки принятия решений и степень оперативности реакции.

Особенно продуктивно использовать модели принятия внешнеполитических решений, которые показывают, как институциональные и бюрократические рамки формируют пространство выбора актора и определяют, где возможна личная инициатива [1]. Такой подход помогает перевести интуитивное представление о «сильной личности» в измеримые параметры: доступные варианты действий, скорость реакции, степень самостоятельности в согласовании решений.

Практическая иллюстрация: образы А. Невского и Ф. Ф. Ушакова

Продemonстрируем применение предложенной рамки на примерах двух знаковых фигур, чьи действия имели существенное внешнеполитическое значение, а образы получили широкое отражение в текстах.

Александр Невский. В «Житии Александра Невского» князь предстаёт как праведный правитель и защитник православной веры. Это репрезентация, ориентированная на канонизацию и морально-нравственное воспитание. Верификация через летописные данные и исследования показывает, что его политика была прагматичной: регулярные поездки в Орду, получение ярлыков, сдерживание антиордынских выступлений ради предотвращения карательных походов. Институциональный контекст (раздробленность Руси, ограниченные ресурсы, угроза с двух направлений) демонстрирует, что пространство выбора было крайне узким, а решения – вынужденными. Таким образом, субъективный фактор здесь проявляется не в «произвольной воле», а в способности действовать в жёстких структурных рамках, выбирая наименьшее зло.

С точки зрения историографической традиции, политика Александра Невского нередко трактуется как прагматичный выбор в условиях выживания, что подчёркивает не столько «волютаристский» характер решений, сколько их обусловленность структурными ограничениями эпохи [3].

Ф. Ф. Ушаков. В официальных донесениях и рапортах адмирала акцент делается на точности, отчётности и следовании инструкциям, что отражает бюрократическую природу военно-морской службы конца XVIII века. В то же время в художественных и биографических текстах (например, в пьесе А. Штейна «Флаг адмирала» или в серии ЖЗЛ) образ Ушакова героизируется: подчёркиваются его честность, вера и нравственная стойкость. Пространственно-временной анализ (сроки доставки донесений, логистика эскадры, расстояния в Средиземноморье) показывает, что оперативные решения принимались в условиях высокой неопределённости и ограниченного информационного обмена. Институциональные нормы (флотские уставы, порядок согласования действий с союзниками) ограничивали свободу манёвра, а личная инициатива проявлялась в тактике и стиле взаимодействия с местными властями и союзниками.

Документальные свидетельства, включая материалы о действиях флота в Средиземноморье и дипломатических аспектах кампании, позволяют отделить институционально обусловленные рамки деятельности Ушакова от проявлений его личной агентности [4]. Сопоставление этих данных с репрезентациями в художественных и публицистических текстах даёт возможность увидеть, как конструируется образ «идеального военачальника и дипломата» и какие элементы при этом акцентируются или опускаются [7].

Сопоставление этих кейсов позволяет увидеть, что субъективный фактор реализуется по-разному: у Невского – как прагматический выбор в условиях выживания, у Ушакова – как синтез профессиональной компетентности, нравственных принципов и способности к дипломатии в рамках чётко регламентированной службы.

Алгоритм анализа для исследовательской и образовательной практики

Для системного изучения субъективного фактора рекомендуется следующий алгоритм:

1. Выделить субъективный фактор: определить, какие личные качества и установки могли влиять на решения деятеля (на основе документов и проверенных свидетельств).
2. Зафиксировать репрезентации: собрать тексты разных жанров и выделить приёмы конструирования образа (идеализация, конфликт, умолчания).

3. Провести верификацию: сопоставить художественные и публицистические трактовки с архивными и деловыми источниками, отметить совпадения и расхождения.

4. Поместить в контекст: описать структурные ограничения эпохи (ресурсы, угрозы, нормы, коммуникации) и оценить реальный диапазон выбора.

5. Сформулировать вывод: показать, как субъективный фактор проявлялся в конкретных действиях, какие возможности он открывал и какие барьеры преодолевал.

Такой подход позволяет избежать как наивного «культа личности», так и полного отрицания роли индивидуальных решений, и даёт устойчивую методологическую основу для анализа дипломатии в историко-литературном ключе.

Заключение

Анализ субъективного фактора в дипломатии требует чёткого разграничения уровней: репрезентации (как образ личности конструируется в текстах) и верификации (как эти образы соотносятся с документальными данными). Междисциплинарная рамка, сочетающая историко-литературный, источниковедческий, институциональный и пространственно-временной подходы, позволяет поместить индивидуальные решения в объективный контекст эпохи и оценить реальную степень агентности актора.

Например, агентность Александра Невского была ограничена раздробленностью Руси, мощью Орды и слабой ресурсной базой. Он не мог «просто отказаться» от взаимодействия с Ордой: это грозило новым разорением. Его агентность проявилась в том, что он выбрал наименее разрушительный путь – прагматичные компромиссы. То есть он действовал осознанно, но в очень узких рамках.

Агентность Ф. Ф. Ушакова ограничивали флотские уставы, порядок согласования решений и медленная связь (письма шли неделями). Но в пределах этих правил у него оставалась свобода тактически решать, как вести переговоры с местными властями и как выстраивать отношения с союзниками.

Предложенный алгоритм применим в образовательных практиках, где формирование критического исторического мышления является одной из ключевых задач

Список литературы:

1. Аллисон, Г. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года / Г. Аллисон, Ф. Зеликов; пер. с англ. – Москва: УРСС: Либроком, 2012. – 432 с.
2. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва: Академический Проект, 2005. – 528 с.
3. Гумилёв, Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилёв. – Москва: АСТ, 2010. – 416 с.
4. Каллистов, Н. Д. Флот в царствование императора Павла I / Н. Д. Каллистов // История русской армии и флота: в 15 т. – Москва, 1913. – Т. 9. – С. 1–65.
5. Розов, Н. С. Методологическая лестница: уровни исторического познания / Н. С. Розов // Методологические проблемы истории: сборник статей. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 45–78.
6. Цыганков, П. А. Теория международных отношений: учебное пособие / П. А. Цыганков. – Москва: Гардарики, 2007. – 447 с.
7. Статьи по тематике «исторические репрезентации», «репрезентация личности в текстах» // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.08.2026). – Текст: электронный

